

УДК 347.97

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/43>

СУДОУСТРОЙСТВО КЫРГЫЗСТАНА В ПЕРИОД НАХОЖДЕНИЯ ЕГО В СОСТАВЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX - начало XX вв.)

©*Сопубекова Н. Т.*, канд. юрид. наук, Кыргызский государственный юридический университет, г. Бишкек, Кыргызстан, sopubekova2017@gmail.com

JUDICIAL SYSTEM OF KYRGYZSTAN DURING THE PERIOD OF STAY IT IS PART OF THE KOKAND KHANATE AND THE RUSSIAN EMPIRE (XIX - early XX centuries)

©*Sopubekova N., J.D.*, Kyrgyz State Law University, Bishkek, Kyrgyzstan, sopubekova2017@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются особенности судебной системы Кыргызстана в XIX — начале XX века, обращается внимание на особую роль в судопроизводстве народных судов, рассматриваются особенности государственного подхода к реформированию судебной системы республики в периоды господства Кокандского ханства и подданства в Российской империи.

Abstract. The article describes the characteristics of the judicial system of Kyrgyzstan in XIX - early XX century, the attention to a special role in the proceedings of people's courts, examines features of government approach to the reform of the judicial system of the Republic in the periods of rule of the Kokand khanate and citizenship in the Russian Empire.

Ключевые слова: судебная реформа, судебная система, народные суды, обычное право, мусульманское право, судопроизводство.

Keywords: judicial reform, judicial system, people's courts, customary law, Muslim law, judicial proceedings.

В настоящее время важным условием успешного проведения судебных реформ становится опора на укоренившиеся в народном сознании и устоявшиеся традиции осуществления, прежде всего, судебной власти. Поэтому как никогда нуждаются в исторической оценке особенности формирования у кыргызов судопроизводства и судопроизводства. Очень важен также анализ и учет прошлого опыта организации судопроизводства и судопроизводства кыргызов по обычному праву, его использование в проведении судебных реформ.

В связи с этим следует отметить, что до середины XIX века судопроизводство кыргызов было основано на родоплеменном делении, поскольку сама система управления кыргызов была построена на ней. Кыргызы делились на два крыла — он и сол. Крыло состояло из нескольких племен, а племена в свою очередь подразделялись на роды, подроды и подродовые группы. Самым низовым подродовым подразделением являлось: «бир атанын балдары» (дети одного отца) [1, с. 24]. Интересно и само судопроизводство: бии (судьи) подразделялись на верховного бия (чон бий), старшего бия (улук бий) и акалакчын биев. Верховные бии занимались общим управлением и рассматривали дела в рамках правого либо левого крыла (он и сол). Старшие бии управляли крупными родоплеменными объединениями. В состав родоплеменного объединения входили роды и родовые подразделения, ими управляли акалакчын бии [2, с. 213].

В составе Кокандского ханства до 60-х годов XIX в. территория современного Кыргызстана разделялась на несколько районов, закрепляющихся за определенным

кокандским вилайетом. К примеру, кыргызы, проживающие в центральной части Тянь-Шаня и в Иссык-Кульской долине управлялись беком андижанского вилайета. Население Таласской и Чуйской долины подчинялись Ташкентскому хакиму. Южная территория современного Кыргызстана управлялась столичным вилайетом [3, с. 145]. Компетенции айльных, родовых и племенных судов биев были связаны с самими особенностями родов и племен кыргызов. Кыргызские роды обычно состояли из нескольких или даже десятков айлов. Однако существовали и роды, которые состояли из одного айла, или же из айла, на территории которого были представители нескольких родов. Таким образом, в айлах были собственные айльные бии, которые знали обычаи и пользовались общим доверием и уважением. Как отмечает С. К. Кожоналиев, бии были также в каждом роде и племени. Один из царских чиновников в собственном донесении пишет: «В каждом киргизском роде или отделении находятся избранные бии, тех называют почетными биями» [4, с. 11].

В большинстве случаев айльные бии занимались рассмотрением поступивших к ним таких незначительных уголовных и гражданских дел (напр., оскорбление, обвинение в клевете, нанесение телесных повреждений, драка, кража скота и другого вида имущества, относящегося к небольшой стоимости) [3, с. 179]. Первоочередной обязанностью бия было примирение спорящих сторон; в отношении сородичей виновных в совершении определенных действий применялось убеждение в строгом тоне, имущественное взыскание или телесное наказание и т. д.

Родовые бии, как уже было сказано, имели авторитет уже в масштабе рода. Они разрешали дела, возникшие в рамках рода и в интересах рода. Согласно судебной практике родовыми биями обычно рассматривались дела, связанные с убийствами, барымтой, грабежами, разбоями, тяжкими телесными повреждениями. Но если к родовым биям обращались с незначительными тяжбами, они не имели права отказаться от рассмотрения данного дела. В отличие от айльных биев родовые бии выносили решение о применении более жестких наказаний в отношении виновных лиц (напр., применение айыпа (штрафа) в несколько десятков голов скота, куна (оплата за кровь убитого человека) в несколько сот голов скота и т. д.).

Бием мог стать любой знаток обычного права (адата) не моложе 25 лет и не имеющий судимости. Суд биев проходил гласно.

Также в судебной системе Кыргызстана действовали периодически созываемые съезды представителей местного населения (курултаи). Съезды представителей местного населения созывались для разрешения споров между представителями разных родов или племен либо пересмотра решений айльных, родовых или племенных биев. Съезды проводились с участием биев этих родов или племен, а также других родоправителей. В целом съезды представителей местного населения можно было подразделить на межродовые и межплеменные съезды. Их решения обжалованию не подлежали, поскольку подобные съезды проводились с участием не только самих биев, но и с участием родовых (при межродовых съездах) либо племенных манапов (при межплеменных съездах).

На юге Кыргызстана в период господства Кокандского ханства параллельно с судом биев судопроизводство осуществлялось также судом казиев. Хотя дел, подсудных казиям, было немного, данный институт успешно функционировал, руководствуясь мусульманским правом — шариатом. Шариатский суд в лице казиев, муфтиев, кази-келонов, аглямов разрешал споры в основном среди оседлого населения, но иногда вершил суд и между полуоседлыми кыргызами. Кази-келон бессрочно назначался и смещался ханом, а на юге Кыргызстана — датка или беком. Казии-келоны были знатоками Корана и толкователями сунн и норм шариата, они также обладали правом председательствовать на съездах казиев, где

рассматривались тяжкие преступления и крупные гражданские дела, что повышало их авторитет в глазах общества [5, с. 112].

Основными функциями казиев были:

1. разбирательство гражданских и уголовных дел;
2. утверждение имущественных сделок и договоров на различные суммы и по различным предметам;
3. утверждение брачных, бракоразводных, наследственных актов;
4. сохранение имущества умерших до его распределения между наследниками;
5. назначение опекунов в случае необходимости над малолетними или неспособными лицами.

Заместителями казиев были муфтии и аглямы. Они подбирали нужные нормы, положения и мнения авторитетных арабских правоведов по нормам шариата для быстрого и законного вынесения вердикта по решаемому вопросу [6, с. 115–126]. Решение казиев чаще было окончательным и обжалованию не подлежало, однако лица, «пострадавшие от несправедливости казиев и имевшие доказательства этому, могли обратиться с жалобой на имя бека или хана. Решением бека или хана дело могло быть пересмотрено на общем созыве местных правоведов. В случае обнаружения вынесения несправедливого вердикта по причине незнания казием норм шариата, он освобождался от должности с конфискацией имущества» [7, с. 148].

На основании литературных и архивных материалов можно сказать, что у кыргызов, наряду с судом биев (на севере страны) и казиев (на юге), существовали также суды наподобие третейских. Э. С. Вульфсон в свое время писал: «...существует еще третейский суд, то есть когда обе тяжущиеся стороны согласятся выбрать какое-нибудь третье лицо, которое и должно их рассудить. Обыкновенно таким судьей бывает почтенный старик, прославившийся в народе своей мудростью и справедливостью. Таких судей киргизы очень почитают и охотно с большим доверием идут к ним со своими тяжбами» [8, с. 408]. Аксакалы выносили свои решения, но при этом учитывали волю сторон. Поэтому их решения считались обязательными для обеих сторон. Между тем, вынося решения, данные суды, также пытались склонить стороны к примирению, т. е. осуществляли и посреднические функции третейского суда.

После присоединения Кыргызстана к России наряду с произошедшими изменениями в общественно-политическом строе республики большим изменениям подверглось и судостроительство [9, с. 11]. Изменения в основном были связаны с принятием следующих нормативных документов:

1. Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях 1867 г. (далее — *Проект Положения 1867 г.*);
2. Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. (далее — *Положение 1886 г.*);
3. Закон «О преобразовании судебной части в Туркестане и Степной области» 1898 г. (далее — *Закон 1898 г.*).

Вышеуказанными нормативными документами в основу формирования судостроительства кыргызов, которое ранее строилось на основе родоплеменного деления, был положен территориальный принцип.

Так, после вхождения в состав России кыргызы были поделены на волости и аулы, во главе с волостным управителем и аульным старшиной, которые именовались «туземной администрацией». Туземная администрация в свою очередь подчинялась уездному начальнику, который выполнял административно-полицейские функции в уезде [10, с. 52].

В соответствии с Временным Положением 1867 г. согласно принципу территориальности у кыргызов и других кочевых народов были созданы следующие суды:

1. единоличные аульные суды биев;
2. волостные съезды биев;
3. чрезвычайные съезды биев [11, с. 30].

По мере внедрения российской судебной системы родовое начало стало постепенно ослабевать, что выражалось в участившихся случаях отказа рода от своих членов, если они признавались виновными в тяжких преступлениях. Другим аспектом ослабления родовых обычаев являлось уменьшение числа поколений, между которыми можно было заключать браки. Так, если раньше, по словам бия Курпетая Даулеткулова, браки в роду можно было заключать только с 6 колена, то уже в 80-х гг. XIX в. «берут ближе, даже из 2 колена, за что порицают словами: «Ты портишь занг», но не расторгают браки и не наказывают» [11, с. 36].

Положением 1886 г. из-под юрисдикции судов биев изымались дела по убийствам, смертям от побоев, изнасилованиям, разбоем и грабежам (ст. 141, п. 10–11)². Вместо терминов «бий» и «казий» вводился один — «народный судья». Теперь на каждую должность судьи избиралось два кандидата, которых утверждал губернатор, если же этого не происходило, то назначались новые выборы [11, с. 204].

В отношении народного суда на уездных начальников возлагалось назначение судей на чрезвычайный съезд, за исключением тех, кого выбрали истец и ответчик [11, с. 207], а также «предоставление прокурору суда для опротестования в окружной суд приговоров и решений, постановленных с превышением власти или нарушением подсудности, приостанавливая при этом исполнение этих приговоров и решений» [12, с. 53].

Народные судьи могли отстраняться от должности только по решению областного суда. Недовольные решениями чрезвычайных съездов биев могли подавать жалобы по административной вертикали (уездный начальник, губернатор, генерал-губернатор) [13, с. 39].

Уездным начальникам было предоставлено право подвергать народных судей, не прибывших на волостной или чрезвычайный съезд, денежному взысканию в размере 10 рублей [14, с. 490]. Правда, на практике их деятельность в отношении народного суда являлась чисто формальной. Рассматривать правильность и справедливость решений народного суда по существу они были не вправе. К тому же они были лишены всякой возможности ввиду незнакомства с мусульманской грамотой лично знакомиться с содержанием бийских книг и принуждены были поручать это ответственное дело полуобразованным часто не совсем грамотным переводчикам. Причем количество народных судей в уезде, а следовательно и решений, подлежащих просмотру, было очень значительным. Так, одних единоличных судей, не считая съездов, в Пржевальском уезде, по числу аулов было 212, а в Пишпекском — 2821 [15, с. 215]. На деле наблюдение уездных начальников за народным судом сводилось к хранению книг чрезвычайных съездов биев.

Волостной съезд судей являлся второй инстанцией для единоличных биев. Количество биев в волости определялось областным губернатором перед выборами с таким расчетом, чтобы их в волости было не менее четырех и не более числа аульных обществ в волости. В работе съезда принимали участие все судьи волости. В ведении волостных съездов судей находился пересмотр приговоров и решений единоличных судей-биев по жалобам недовольных. Дела на волостном съезде рассматривались всеми биями волости, но когда дел было много, то бии распределялись по группам, не менее чем из 3-х судей каждая. На съезде бии выбирали из своей среды председателя, который руководил порядком разбора дел [15, с. 219].

Как отмечает Б. И. Бوروبашов, «на этих съездах решения выносились по большинству голосов и записывались в книгах. Выигравший дело получал копию решения за подписями и печатями всех участвовавших биев, он также имел право обратиться с этой копией к волостному управителю, который обязан был немедленно привести решение в исполнение [16, с. 7–8].

Чрезвычайный съезд биев — это суд высшей инстанции, который рассматривал жалобы на решения волостных съездов и разбираал огромное количество уголовных и гражданских дел. На чрезвычайных межобластных съездах действовали все инстанции народного суда: отдельные бии, волостные съезды и третейский суд. «Чрезвычайные съезды народных судей назначались по распоряжению губернатора для решения дел, в которых участвовали жители разных уездов или волостей, равно как для рассмотрения ходатайств народных судей и их съездов о высылке подсудимых. Чрезвычайные съезды состоят: у кочевников из судей тех волостей, в которых числятся тяжущиеся или подсудимые, не менее одного от волости» [14, с. 489-490].

Чрезвычайные съезды биев созывались один, иногда два раза в год или даже один раз в два года. Чрезвычайный съезд мог заседать месяцами, в течение которых могло рассматриваться до тысячи разных дел. Продолжительность работы чрезвычайного съезда биев устанавливалась в эреже или определялась военным губернатором. В Положении 1886 г. в отношении третейского суда говорится: «Тяжущимся представляется по обоюдному согласию обращаться для разбора своих дел, помимо единоличных судей прямо к съезду, а равно к посторонним лицам (то есть посредникам), которым тяжущиеся доверяют решение своих споров» [14]. Посредники занимались только гражданскими делами в соответствии со ст. 244-245 Положения 1886 г., однако в Семиреченской области дела брачные и семейные не могли разбираться посредниками [17, с. 511].

Знаменательным нововведением Положения 1886 г. явилось учреждение прокурорского надзора за деятельностью судов. 25 марта 1891 г. было принято Степное положение, по нормам которого стало вестись судопроизводство народных судов в Семиреченской области. В целом же данный документ фактически полностью повторял Положение 1886 г. для Туркестана. Можно отметить, что на основании ст. 108 за кыргызским народным судом осталось только право «вознаграждать по обычаям за вред и убытки потерпевших от преступлений, но иск о вознаграждении за вред и убытки может быть заявлен в народном суде, только тогда, когда само преступление судилось русским судом по общим законам Империи и когда потерпевшие не просили вознаграждения в русском суде» [17, с. 513].

Необходимо отметить, что Семиреченская область судилась по Положению 1867 г. до 1891 г., когда было введено Степное положение, хотя она находилась в Степном генерал-губернаторстве с 1882 г. В декабре 1897 г. Семиреченская область была опять передана в Туркестанское генерал-губернаторство и в ней действовало не Положение 1886 г., а Степное 1891 г., но с некоторыми уточнениями, установленными законом 11 июня 1899 г. 18 ноября 1898 г. вышел закон, по которому туркестанской администрации предоставлялось право отстранять неправедных народных судей от должности, хотя всегда было очень тяжело доказать коррумпированность бия из-за круговой поруки.

Положения 1886 г. и 1891 г. не удовлетворили основное требование местных чиновников — поставить народные суды под действенный административный и прокурорский надзор для пресечения произвола родоначальников и биев. Ю. Д. Южаков считал, что «звание бия как судьи в дороссийский период было знаком высокого ума, уважения, авторитета, а сам суд биев был простой, бесформенный, гласный, открытый, всем доступный, всем понятный, свой, домашний суд. Киргизы ценили и дорожили им как

святыней. Мы опрокинули верх дном этот истинно народный суд. Мы оформили его, дали ему порочную организацию, несколько регламентировали и наименовали его народным» [18, с. 9].

На самом же деле, по мнению губернатора Ферганской области Н. И. Королькова, «народные судьи, не получая от казны содержания и завися исключительно от подачек, которые полагаются им ст. 226 (Положение 1886 г. делаются в большинстве случаев представителями взяточничества и неразлучного с ним кривосуда» [19, с. 81].

Характерной оценкой создавшейся ситуации являлось мнение самого народа, выразившееся в различных поговорках, таких как «был когда-то адат орлом, да бии сделали его облезлой вороной» [20, с. 89] или «туура бийде тууган жок, туугандуу бийде ыйман жок («у честного судьи – нет родни, у судьи, где много родни — нет совести»)» [21, с. 4].

Признавая существующие проблемы в судопроизводстве народных судов, в конце 1898 г. туркестанский генерал–губернатор С. М. Духовской получил разрешение от правительства отстранять «неправедных» судей от должности, при наличии неоспоримых доказательств их преступной деятельности, хотя исходя из норм обычного права было очень сложно провести четкую грань между законом и его нарушением с точки зрения российской юриспруденции, к тому же сбор доказательств на практике встречал огромные сложности ввиду господства родового строя и связанной с ним круговой порукой [15, с. 219].

Выход из создавшегося положения российская бюрократия видела в разработке нового Положения. Однако многочисленные проекты конца XIX — начала XX вв. по реформированию народного суда, сводящиеся к все более сокращению его юрисдикции, так и не были реализованы в силу достаточно консервативной политики центральных российских властей, которые, с одной стороны, вроде бы стремились к ускорению модернизации кочевников Туркестана, а с другой — считали, что она произойдет в основном благодаря наглядному примеру общероссийской судебной системы.

Таким образом, основная линия в государственной политике Российской империи до 1917 г. была направлена на постепенную эволюцию замещения судов по нормам обычного права на общероссийские судебные учреждения. В этом плане «медлительность» и «нерешительность» правительственной бюрократии могла означать и негласную установку — не вмешиваясь сильно в правовые нормы и судопроизводство бийских судов, оставляя их в правовом поле адата, наглядно демонстрировались населению преимущества общероссийских судов по сравнению с традиционными судами биев.

Список литературы:

1. Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР. Фрунзе, 1965-1970.
2. Чотонов У., Бедельбаев А., Караев К. и др. История Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX века. Бишкек: Илим, 1995.
3. Борубашов Б. И. Хрестоматия по истории государства и права Кыргызстана. Бишкек, 2008.
4. Кожоналиев С. К. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции. Фрунзе, 1963.
5. Арандаренко Г. О народном суде у туземцев // Обычное право кыргызов. Бишкек, 2000.
6. Берг Л. В. Основные начала мусульманского права, согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. СПб., 1882.
7. Эшмурадова Н. Д. Взаимодействие адата и шариата в правовой системе кыргызского народа (историко-правовое исследование): дисс. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2018.

8. Вульфсон Э. С. Как управляются и судятся киргизы // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. 2005. Т. 6. С. 408-412.
9. Маткасымов А. А. Организация судебной власти в Киргизской Республике: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
10. Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях 1867 г. СПб., 1867.
11. Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области: Юридический быт. М., 2011.
12. Борубашов Б. И. Государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе Российского государства (1855–1917 гг.). Бишкек, 2009.
13. Пален К. К. Народные суды Туркестанского края. Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб., 1910.
14. Зиманова С. З. Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. // Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования. 2005. Т. 5. С. 464-499.
15. Слесарев С. М. Между двумя эпохами: суды биев в Кыргызстане при царизме и советской власти (1865-1928 гг.). Бишкек, 2014.
16. Борубашов Б. И. Источники права и судопроизводство Кыргызстана в XIX в. // Вестник КРСУ. 2005. Т. 5. №6. С. 3-8.
17. Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями 25 марта 1891 г. // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. Алматы. 2005. Т. 5. С. 500-518.
18. Южаков Ю. Д. Итоги 27-летнего управления нашим Туркестанским краем. СПб., 1891.
19. Слесарев С. М. Государственная политика по отношению к традиционному судопроизводству по нормам обычного права в Кыргызстане во второй половине XIX - начале 30-х гг. XX вв. (исторический аспект): дисс. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2016.
20. Салиев А. Л. Народные суды в системе органов «туземного» самоуправления в царистском Туркестане (по архивным, правовым и иным материалам) // Вестник КРСУ. 2013. Т. 13. №5. С. 87-90.
21. Турсунбаева Н. С. Судостроительство и судопроизводство по обычному праву кыргызов: дисс. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2018.

References:

1. Nurbekov, K. (1965-1970). Istoriya gosudarstva i prava Kirgizskoi SSR. Frunze. (in Russian).
2. Chotonov, U., Bedelbaev, A., & Karaev, K. (1995). Istoriya Kyrgyzstana s drevneishikh vremen do kontsa XIX veka. Bishkek. (in Russian).
3. Borubashov, B. I. (2008). Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Kyrgyzstana. Bishkek. (in Russian).
4. Kozhonaliev, S. K. (1963). Sud i ugovnoe obychnoe pravo kirgizov do Oktyabr'skoi revolyutsii. Frunze. (in Russian).
5. Arandarenko, G. (2000). O narodnom sude u tuzemtsev. Obychnoe pravo kyrgyzov. Bishkek. (in Russian).
6. Berg, L. B. (1882). Osnovnye nachala musul'manskogo prava, soglasno ucheniyu imamov Abu Khanify i Shafii. St. Petersburg. (in Russian).
7. Eshmuradova, N. D. (2018). Vzaimodeistvie adata i shariata v pravovoi sisteme kyrgyzskogo naroda (istoriko-pravovoe issledovanie): J.D. diss. Bishkek. (in Russian).

8. Vulfson, E. S. (2005). Kak upravlyayutsya i sudyatsya kirgizy. *In Drevnii mir prava kazakhov. Materialy, dokumenty i issledovaniya*, 6, 408-412. (in Russian).
9. Matkasymov, A. A. (2006). Organizatsiya sudebnoi vlasti v Kyrgyzskoi Respublike: autoref. J.D. diss. Moscow. (in Russian).
10. Proekt polozheniya ob upravlenii v Semirechenskoj i Syr-Dar'inskoj oblastiakh 1867 g. (1867). St. Petersburg. (in Russian).
11. Grodekov, N. I. (2011). Kirgizy i kara-kirgizy Syr-Dar'inskoj oblasti: Yuridicheskii byt. Moscow. (in Russian).
12. Borubashov, B. I. (2009). Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii kyrgyzov v sostave Rossijskogo gosudarstva (1855–1917 gg.). Bishkek. (in Russian).
13. Palen, K. K. (1910). Narodnye sudy Turkestanskogo kraja. Otchet po revizii Turkestanskogo kraja. St. Petersburg. (in Russian).
14. Zimanova, S. Z. (2005). Polozhenie ob upravlenii Turkestanskogo kraja 1886 g. *In Drevnii mir prava kazakhov: materialy, dokumenty i issledovaniya*, 5, 464-499. (in Russian).
15. Slesarev, S. M. (2014). Mezhdvumya epokhami: sudy biev v Kyrgyzstane pri tsarizme i sovetskoj vlasti (1865-1928 gg.). Bishkek. (in Russian).
16. Borubashov, B. I. (2005). Istochniki prava i sudoproizvodstvo Kyrgyzstana v XIX v. *Vestnik KRSU*, 5(6), 3-8. (in Russian).
17. Polozhenie ob upravlenii Akmolinskoi, Semipalatinskoi, Semirechenskoj, Ural'skoj i Turgaiskoj oblastyami 25 marta 1891 g. (2005). *In Drevnii mir prava kazakhov. Materialy, dokumenty i issledovaniya, Almaty*, 5, 500-518. (in Russian).
18. Yuzhakov, Yu. D. (1891). Itogi 27-letnego upravleniya nashim Turkestanskim kraem. St. Petersburg. (in Russian).
19. Slesarev, S. M. (2016). Gosudarstvennaya politika po otnosheniyu k traditsionnomu sudoproizvodstvu po normam obychnogo prava v Kyrgyzstane vo vtoroi polovine XIX - nachale 30-kh gg. XX vv. (istoricheskii aspekt): Ph.D. diss. Bishkek. (in Russian).
20. Saliev, A. L. (2013). Narodnye sudy v sisteme organov tuzemnogo samoupravleniya v tsaristskom Turkestane (po arkhivnym, pravovym i inym materialam). *Vestnik KRSU*, 13(5), 87-90. (in Russian).
21. Tursunbaeva, N. S. (2018). Sudoustroistvo i sudoproizvodstvo po obychnomu pravu kyrgyzov: Ph.D. diss. Bishkek. (in Russian).

Работа поступила
в редакцию 02.02.2020 г.

Принята к публикации
11.02.2020 г.

Ссылка для цитирования:

Сопубекова Н. Т. Судостройство Кыргызстана в период нахождения его в составе Кокандского ханства и Российской империи (XIX - начало XX вв.) // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №3. С. 338-345. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/43>

Cite as (APA):

Sopubekova, N. (2020). Judicial System of Kyrgyzstan During the Period of Stay it is Part of the Kokand Khanate and the Russian Empire (XIX - Early XX Centuries). *Bulletin of Science and Practice*, 6(3), 338-345. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/43> (in Russian).

